

ОТ «НЕДОУМЕНИЯ» АРИСТОТЕЛЯ К ДЕКАРТОВСКОМУ «СОМНЕНИЮ»¹

Автор исследует традиции аристотелианской философии Возрождения и раннего Нового времени. В статье показано, как у философов данного периода используется идея методического сомнения, а также ее влияние на формирование одной из основных посылок философии Декарта.

Ключевые слова: история философии, «Метафизика» Аристотеля, аристотелизм XVI–XVII веков, толизм, Декарт.

Ричард Попкин порой бросал исследователям вызов, предлагая обнаружить скептицизм в рамках аристотелевой традиции. Я не стану утверждать, что обнаружила неуловимого Аристотеля-скептика, но покажу, как его важный термин *aporeo* превратился в *dubito*, когда Вильгельм из Мёрбеке² переводил третью главу «Метафизики», а дискуссии вокруг использования терминов *dubito* и *dubitandi* были высмеяны такими философами, как Пьер де ла Раме³, или раскритикованы Педро да Фонсекой⁴ и Франсиско Суаресом⁵. Это создаст контекст для моего вывода о том, что третья книга «Метафизики» была превращена Бенито

¹ Мне хотелось бы поблагодарить людей, поддерживавших мое исследование. Жозе Майа Нету побуждал меня представить более подробное объяснение того, как развивалось методологическое сомнение в период между Ла Раме и Декартом. Работы Жозе Майо Нету о Шарроне и Джанни Паганини об определении *aporeo* у древних скептиков помогли связать воедино мои собственные наблюдения относительно изменений смысла термина в латинских переводах Аристотеля. Я также благодарю Роджера Эрюю, чьи знания о Декарте и недавние публикации его текстов сделали мысль Декарта более доступной. Р. Эрюю (*Ariew*.1999) предоставил серьезные доказательства того, что Декарт черпал из Аристотеля и отвечал на его выводы. Клайв Стрикленд читал и обсуждал со мной эту статью несколько раз, а Кристофер Лигота высказал замечания, прояснившие главное направление развития аргументации.

² Вильгельм из Мёрбеке (ок. 1215–1286), фламандский доминиканец, переводчик с греческого на латынь философских трудов Аристотеля и Прокла, а также математических сочинений Герона Александрийского и Архимеда.

³ Пьер де ла Раме [Петр Рамус] (1515–1572) – французский гуманист и философ-логик.

⁴ Педро да Фонсека (1528–1599) – португальский иезуит, богослов и философ, автор сочинений по логике и метафизике. Современники прозвали его португальским Аристотелем.

⁵ Франсиско Суарес (1548–1617) – испанский иезуит, богослов и философ, один из важнейших философов неотолизма, принадлежавший к школе Саламанки.

Перейрой⁶ в программу обоснования методического сомнения, демонстрирующую сходство с учением Декарта.

Существует серьезная причина тому, что влияние, оказанное Аристотелевым термином *aporeo* на ренессансные комментарии к «Метафизике» и последующие труды, вплоть до декартова «сомнения», до сих пор не привлекало внимания. В английском переводе «Метафизики» с греческого нет никаких упоминаний о «сомнении»⁷, поэтому необходимо взглянуть на латинский перевод Аристотеля. Не стоит удивляться тому, что Декарт опирался на тексты Аристотеля. Исследовавшие его труды Э. Жильсон, Р. Эрью, М. Грин, П. Диар⁸ упоминали, что на Декарта оказали большое влияние некоторые доводы и определения, возникшие в аристотелевой традиции. Надеюсь, что мои наблюдения дополнят их выводы и еще раз продемонстрируют, сколь многим обязаны были философы раннего Нового времени философии предшествующих эпох, и, одновременно, какими новаторами они были в своем диалоге с многочисленными традициями, составлявшими аристотелианскую философию раннего Нового времени⁹.

1. Переводы 1-й главы 3-й книги «Метафизики» с греческого на английский язык и проблема перевода понятия арогео

В недавней книге «Метафизика Аристотеля» Василис Политис утверждает, что этот труд Аристотеля до сих пор не привлек того внимания, какого он заслуживает. Политис отмечает важность термина *aporeo* в 1-й главе 3-й книги «Метафизики».

Именно здесь Аристотель говорит, что метафизическое размышление направляется недоумением (*aporeo*) и конкретными недоумениями (*aporeoi*), задающими цель, а именно, постижение природы бытия, рассмотренного в 1-й главе¹⁰.

Политис отмечает, что целью 1-й главы 3-й книги было ориентировать читателя «Метафизики» при помощи *aporeo* на путь личного метафизического открытия¹¹. Я принимаю вывод Политиса о том, что данная книга Аристотеля имеет огромное значение, а значение термина

⁶ Бенито Перейра (1535–1610) – испанский иезуит, богослов и философ.

⁷ В русском переводе этого смыслового оттенка тоже нет. *Арогео* переводится как «затруднения» (прим. пер).

⁸ Роджер Эрью (*Ariew*. P. 207–210) приводит полезный индекс к труду Жильсона (*Gilson*. 1913), в книге Эрью приводится подробная библиография; *Dear*. 1988. Перечень работ М. Грин см. у Р. Эрью.

⁹ См. также: *Schmitt*. 1983; *Blackwell*, *Kusukawa*. 1999; *Stone*. 2006. P. 299–323.

¹⁰ *Politis*. 2004: “Aristotle’s Method in *Metaphysics*, 3, 1” P. 64–89.

¹¹ *Ibid*. P. 71.

aporeo – ключ к пониманию того, как этот текст читался и толковался. С изменением значения *aporeo* меняется и смысл всей книги. Обратимся сначала к английскому переводу У. Росса, который вплоть до недавнего времени пользовался наибольшей популярностью. Росс переводит *aporo* как затруднение.

Тем, кто желает преодолеть затруднения, полезно хорошо рассмотреть их. Ведь последующая свободная игра мысли подразумевает разрешение предшествовавших затруднений, и невозможно завязать узел, о котором не знаешь. Но затруднение в размышлении указывает на «узел» в объекте; ведь когда наша мысль пребывает в затруднении, она похожа на тех, кто связан, ибо в обоих случаях невозможно двигаться вперед. Поэтому человек должен был рассмотреть все затруднения заранее, как для тех целей, которые мы уже указали, так и потому, что те, кто спрашивает, не обозначив сначала затруднений, подобны тем, кто не знает, куда идти. Кроме того, в противном случае человек не знает даже, нашел ли он в определенное время то, что ищет, или нет. Ведь цель такому человеку не ясна, тогда как тот, кто сначала размыслил о затруднениях, знает ее. Более того, тот, кто выслушал различные доводы, словно бы противимые сторонами в суде, имеет лучшую возможность судить¹².

Другой перевод, выполненный Ричардом Хоупом, предназначался для исследователей Фомы Аквинского. Хоуп учитывает латинский перевод «Метафизики» Вильгельма из Мёрбеке, которым пользовался Аквинат. Мне кажется, что его перевод дает лучшее представление об *aporeo* – недоумении, затруднении.

Затруднение в нашем размышлении обнаруживает спутанный клубок в существующем, поскольку мысль, находящаяся в затруднении, подобна связанному человеку: ни мысль, ни человек не могут двигаться. Поэтому мы сначала должны разрешить наши недоумения, как по указанной причине, так и потому, что тот, кто начинает исследование, не обозначив сначала проблем, подобен тому, кто не знает, куда идет, и не понимает, нашел ли он то, что искал¹³.

Перевод Хоупа имеет четкий замысел и использует оба понятия – затруднение и недоумение – для передачи смысла *aporeo*. Его выражение «спутанный клубок в существующем» весьма удачно, так как оно подразумевает неопределенный, возможно, даже сомнительный мир. В конце издания Хоуп приводит индекс технических терминов. В числе переводов для *aporeia* – *dubitare* указано следующее: «создавать трудности», «объяснения», «идеи», «принципы»¹⁴. Ни одно из этих понятий не подразумевает сомнения.

¹² Aristotle. 1928. P. 995.

¹³ Aristotle. 1960. P. 40–41.

¹⁴ Ibid. P. 389.

Ближе всего к тому, что специалист по древнегреческому языку назвал бы хорошим переводом, подошел Артур Мэдиган в 1992 г. Он переводил на английский язык комментарии Александра Афродисийского¹⁵ к 3-й книге «Метафизики»¹⁶. Мэдиган просто отказался от перевода *aporeo* на английский.

Он [Аристотель] говорит, что для развития самой науки и объектов исследования, относящихся к ней, необходимо начать с того, чтобы пронумеровать все те положения, в отношении которых необходимо совершить разбирательство-*aporeo* (*aporein*), а затем произвести *aporeo* в отношении этих положений¹⁷.

Затем Аристотель обозначает положения, в отношении которых исследователь, в любой науке, должен провести *aporeo*: «Это – положения, о которых ряд [мыслителей] имел разные мнения». Это может означать либо, что они придерживались не слишком подходящих, ошибочных мнений, либо что разные мыслители имели разные взгляды на предмет. Сказав, что каждому необходимо произвести *aporeo*, Аристотель приводит и доказывает свой общий вывод о том, что всем, кто собирается заняться каким-либо предметом, полезно для обнаружения объектов рассуждения начинать с преодоления *aporeo* относительно них¹⁸.

Мэдиган отчетливо указывает на то, как трудно переводить *aporeo*, и перечисляет четыре определения термина, использованных Александром Афродисийским. Термин может означать 1) физическое препятствие движению в определенном направлении (изначальный смысл); 2) состояние недоумения (*aporeo* в нас); 3) сложный объект или вопрос, вызывающий недоумение (*aporeo* в вещи); 4) философское рассуждение, стремящееся прояснить сложный вопрос и рассеять недоумение, приводя доводы разных сторон по данной теме.

Другие специалисты по Аристотелю и исследователи скептицизма тоже анализировали этот термин. Библиографический список Роберто Радиче и Ричарда Дэвиса указывает 39 статей, рассматривающих термин *aporeo* в «Метафизике»¹⁹, Джанни Паганини привлек наше внимание к тому, как этот термин исследовался специалистами по философскому скептицизму, в частности Бенсоном Мейтсом. Тот утверждал, что

¹⁵ Александр Афродисийский (к. II – н. III вв.) – древнегреческий философ-перипатетик, самый известный античный комментатор трудов Аристотеля.

¹⁶ *Alexander of Aphrodisias*. 1992. Комментарии Александра к «Метафизике» в переводе на английский опубликованы в серии греческих комментаторов Аристотеля, издаваемой Ричардом Сорабджи. С 1987 г. в этой серии вышло 40 томов.

¹⁷ *Aristotle*. 3,1 171.1. Ibid. Book III. P. 87–89.

¹⁸ *Alexander's commentary*, 172.1.

¹⁹ *Radice, Davies*. 1977.

Пирронов скептицизм представлял собой философский подход, основанный не на сомнении, но на *aporeo*. Мейтс переводит этот термин как «находящийся в затруднении», «пребывающий в замешательстве», «недоумевающий», «завязший», тогда как «сомнение», в отличие от *aporeo*, подразумевает понимание. Это важное различие, значение которого прояснится, когда мы рассмотрим значение перевода *aporeo* как *dubito*. Итак, *aporeo*, в отличие от сомнения, касается (бесплодного) рассмотрения противоречивых утверждений²⁰. Сомнение же – то, чем становится *aporeo* для некоторых философов XVI и XVII вв.

2. Превращение *aporeo* в *dubito*

Те, кто переводил с древнегреческого на латынь, не страдали от сомнений и не проявляли столь тонкий подход, как современные переводчики. Вильгельм из Мёрбеке создал первый популярный перевод «Метафизики» в XIII в. По словам Фомы Аквинского²¹, он сам по большей части использовал перевод Мёрбеке при составлении собственного комментария к тексту. Неудивительно, что он переводил *aporeo* как *dubito*. В конце XV в. кардинал Виссарийон²² заново перевел «Метафизику», а латинский перевод комментария Александра Афродисийского был выполнен испанцем Хуаном Хинесом де Сепульведой²³ и опубликован в 1527 г.²⁴ Все эти авторы переводили *aporeo* как *dubito*. Итак, перевод одного слова постепенно изменил понимание смысла 1-й главы 3-й книги «Метафизики» и повлиял на развитие метода сомнения в конце столетия. Как мы увидим, Пьер де ла Раме одним из первых предположил связь между *dubito*, *dubitandi* и сомнением скептиков. Начнем с комментария Фомы Аквинского и посмотрим, как он использует *dubito*.

²⁰ Paganini. 2008. Паганини ссылается на Мейтса. См.: *Mates*. 1996. P. 4–5. Мейтс указывает на различие между пирронизмом и скептицизмом Нового времени. Он пишет: «пирронизм не говорит о сомнении (хотя сам термин иногда ошибочно используется в переводе определенной фразы у Секста Эмпирика), однако оно является едва ли не определяющей характеристикой современного скептика. Напротив, типичным подходом пиррониста является *aporeo*, то есть пребывание в недоумении, замешательстве, в тупике». См также статью Мейтса (*Mates B. Doubt in Modern Skepticism and Being at a Loss*), процитированную у Паганини (Paganini. 2008. P. 30–32).

²¹ Aquinas. 1995.

²² Василиос Виссарийон (1403–1472) – греческий ученый, переводчик и философ-неоплатоник, ученик Гемиста Плифона. Жил в эмиграции в Италии. Архиепископ Сипонто, кардинал.

²³ Хуан Хинес де Сепульведа (1494–1573) – испанский гуманист, переводчик с греческого, богослов и философ, оппонент представителей школы Саламанки.

²⁴ Sepulveda. 1561.

Вот практически буквальный перевод параграфа 1 его комментария к 1-й главе 3-й книги «Метафизики».

Во-первых, он говорит, что тем, кто желает познать истину, «полезно», то есть, стоит «хорошо обдумать эти затруднения», то есть, тщательно рассмотреть предметы обсуждения. Хорошо сомневаться значит уделять большое внимание вещам, вызывающим сомнение, вот почему позднейшее обнаружение истины – не что иное, как разрешение прежних сомнений... Он говорит, что это необходимо для той науки, в которой мы ищем первый принцип и истину всех вещей; сначала необходимо сомневаться, прежде чем можно будет установить истину²⁵.

Английский перевод Джона Роуана не передает *dubito* как «сомнение» или нечто, родственное сомнению, поэтому от англоязычного читателя ускользают те коннотации, какие лексика Аквината могла порождать не в его собственное время, но у комментаторов в раннее Нового время.

Как мы увидим, подход Перейры, продемонстрированный в его труде *De communibus omnium rerum naturalium principii et affectionibus*, основывался на замечаниях Аквината из данного раздела его комментария. Конечно, обычно термин *dubito* означал «вопросать», а термином *dubitandi* обозначали вопросы, которые следовало обсудить. Однако я считаю, что здесь был сделан первый шаг в трансформации значения слова *dubito*. В конце концов, оно означало «сомнение» для таких философов, как Пьер де ла Раме, Бенито Перейра и Рене Декарт.

В переводе XV века с древнегреческого на латынь *aporeo* тоже передавалось как *dubito*, что ясно из моего перевода текста Виссариона²⁶:

Ибо те, кто вопрошают, все же не могут определить, нашли ли они то, что искали, или же нет, если только они, в отличие от тех, кто не знает, каким путем им следует идти, не усомнились вначале. Нет решения там, где сначала не познан узел. Но сомнение со стороны ума проясняет это, поскольку ум сомневается до тех пор, пока это не уподобляется неким узам²⁷.

²⁵ Цитирую по ренессансному изданию Фомы Аквинского. *Aquinas*. 1588. P. 56–57: ‘Et primo procedit modo disputativo, ostendens ea, quae sunt dubitabilia circa rerum veritatem. Secundo incipit determinare veritatem. & primo docet quod volentibus investigare veritatem contingit, [prae opere] idest ante opus, [bene dubitare] bene attingere ad ea, quae sunt dubitabilia. ...Dicit ergo primo quam ad hanc scientiam quam quaerimus de primis principiis, & universali veritate rerum, necesse est ut primum aggrediamur ea, de quibus oportet dubitare, antequam veritas deteminetur’.

²⁶ О Виссарионе см.: *Labinsky*. 1980; *Concetta*. 1980. В его коллекции было 482 греческих рукописи и 250 рукописей на других языках; кардинал подарил ее Венеции в 1468 г. Большая часть рукописей находятся в Библиотеке Марчиана в Венеции.

²⁷ *Metaphysicorum Aristotelis*. 1516. ‘Tertius Metaphysicorum Aristotelis Interprete Bessarione, 7 verso. Text 1. P. 56–57: ‘Ad illam, quae quaeritur, scientiam necesse est in primis nos recurrere, de quibus primo dubitandum est. Haec autem sunt & quaecunque de

Перевод *aporeo* как *dubito* присутствует и в тексте комментария Александра Афродисийского²⁸, который был переведен на латынь. Обращение к комментарию подтверждает, что *aporeo* передавалось как *dubito*, однако Сепульведа не употреблял термин *dubito* столь же несдержанно, как Виссарион или Вильгельм из Мёрбеке²⁹. Теперь, имея в виду эти переводы, пора обратиться к комментаторам XVI века.

3. 1-я глава 3-й книги «Метафизики» и комментарии к ней
Пьера де Ла Раме, Педро де Фонсека и Франсиско Суареса

Упомянутые тексты иллюстрируют три техники комментирования: 1) суммирование или парафраз, как у Пьера де ла Раме; 2) изложение через комментарии, как у Аверроэса и Аквината; 3) изложение через вопросы, как у Фонсеки и Суареса. Первым и самым ранним из трех комментаторов раннего Нового времени был Пьер де ла Раме, несколько раз занимавший профессорскую кафедру Парижского университета. Его комментарий – *Scholarum metaphysicarum in totidem metaphysicis libros Aristotelis*³⁰ – был известен Перейре, Санчесу, Фонсеке и Декарту. Это пособие для студентов, разделенное на главы, одновременно суммировало и критически анализировало каждую книгу «Метафизики». Ла Раме часто добавлял едкие критические замечания в адрес самого Аристотеля и работ других комментаторов³¹. Его интонации вводят нас в далекий от спокойствия интеллектуальный мир, в котором средневековые споры и традиции комментирования не вызывали большого уважения и должны были испытывать на себе острые уколы риторической сатиры. Ла Раме, очевидно, был не единственным автором, высмеивав-

eis aliter quidam existimarunt & siduid ultra haec praetermissum sit. Est autem operae pretium facultatis habere volentibus, bene dubitare, nam posterior facultas, solution eorum est, quae ante dubitata fuerunt²⁸.

²⁸ О комментарии Александра см. статью Доротеи Фрид в онлайн-издании Stanford Encyclopedia of Philosophy. См. также: *Alexander of Aphrodisias*. 2004. О влиянии текста в эпоху Ренессанса см.: *Kessler*. 2008. Кесслер рассматривает только одно сочинение Александра – De Anima. О Сепульведе см.: *Coroleu*. 1996. P. 325–332.

²⁹ *Sepúlveda*. 1561. P. 54: ‘Quod si ad omnem scientiam, ad hanc quoque id necessarium fuerit. Quae porro in singulis doctrinis dubitare ac disserere oporteat, docet, cum ait. (Haec autem sunt ea, de quibus aliter quidam existimarunt.) Aliter, idest incommode ac inepte, vel apte quidem, sed perperam, aut significat quae aliter alii senserint. Nam de quibus priores auctores diversas habuere sententias ea maxime dubitantur, aut quae cum essent cognitu necessaria fuerunt tamen a prioribus ignorata’.

³⁰ *de La Ramée*. 1566. Tertium. P. 45–61.

³¹ О «Философии для юношей» Ла Раме см.: *Ong*. 2004. P. 36–148; *Ong*. 1958. P. 355–356. Это сочинение переиздавалось в 1566, 1569, 1575, 1578, 1583 и 1610 гг.

шим то, каким образом понятие *dubito* обсуждалось в Париже. Одновременно задиристый и хорошо знавший свой предмет, Ла Раме с одобрением цитировал комментарий Александра Афродисийского, обливая презрением схоластические дебаты о *dubito* и называя 3-ю книгу «Метафизики» «*Theologia dubitationum*»³². Определяя объект своих нападок, он спрашивает, какого рода теология содержится в этой книге.

Эта теология, скажу я вам, близка к логике, то есть, касается причин. Однако эта теология слишком опрометчивого вида знания, ибо на протяжении всей книги сохраняется сомнение, без попытки разрешить его или объяснить. Очевидно, что здесь Аристотель превратился в академического философа, и приводит доводы обеих сторон по данному вопросу, не приводя собственного суждения. Сириан перечисляет 17 сомнений, тогда как у Александра число их меньше. Однако их восемнадцать, по моему мнению, и толкователи и комментаторы будут описаны в последующих книгах. Так что теология третьей книги «Метафизики» может быть по справедливости названа теологией сомнений, *Theologium dubitationum*³³.

Ла Раме дерзко переиначивает знаменитое высказывание Сократа о том, что мудрость начинается с признания собственного невежества, превращая его в объект для сатиры. Он возражает: «мудрость есть разрешение сомнений». Аристотель не разрешает сомнения; Ла Раме обвиняет его в том, что тот использовал сомнение искусственно (*praetexitur*).

Однако, божественный метафизик, какова же твоя новая академия? Академические философы приводят доводы с обеих сторон обсуждаемого вопроса, но в виде постоянного и непрекращающегося диалога, следующего за различными аргументами. Какие во всей твоей логике существуют законы, касающиеся этого нового способа философствовать? Я, со своей стороны, никогда не читал ничего, грубо говоря, столь глупого и нелепого. Что же, эти схоластики составляют новую академию скептиков?³⁴

Ла Раме низводит Аристотеля, философа *scientia*, на уровень простого скептика, заявляющего о том, что он ничего не знает. Эта искусственно выстроенная связь между термином *dubito*, употреблявшимся

³² *La Ramée*. 1566. P. 47.

³³ *Ibid.*: ‘*Theologia inquam erit etiam logica fere de caussis; sed theologia doctrinae insolentissimae quae toto libro tantum sine solutione vel explicatione ulla dubitatur. Academicus videlicet et hic factus est Aristoteles, disputat in utramque partem iudicium suspendit. Syrianus dubitationes septemdecim numerat: Alexander minus impense numerum habit: sunt autem octodecim; quarum nonnullarum interpretes & explicatores, libri sequentes erunt. Theologia itaque tertii metaphysici merito possit inscribi theologia dubitationum*’.

³⁴ *Ibid.* P. 46: ‘*At, inquam, metaphysice divine, quoniam ista nova academia est: ... Academici quidem in utraque partem disserebant, sed oratione variis argumentis perpetua continuaque. Quoniam vero in tota tua logica leges sunt de hac nova philosophandi via? Equidem, ut verum fatear, nihil unquam stultius atque ineptius legi*’.

аристотелианцами, и сомнением скептиков, сознательно провокационна, однако она предполагает связь между двумя разными традициями. В руках Декарта эти две традиции больше не будут казаться отделенными друг от друга, как это было раньше.

Если у Ла Раме мы находим яркую и зачастую очень остроумную критику схоластической терминологии, в лице Педро да Фонсеки мы обнаруживаем одного из самых значимых интеллектуалов XVI столетия. Он тоже ставит вопрос о полезности использования *dubito* в качестве философской техники. Его массивный двухтомный комментарий к «Метафизике» Аристотеля³⁵ является бесценным источником доводов для дискуссий. Он часто приводит историю различных подходов к определенным учениям прежде, чем формулирует свое мнение. Хотя он и работал в рамках аристотелианской традиции, но не боялся обнаруживать изъяны в Аристотелевом учении или в схоластических методах.

Его *explanationes* представляют собой пространные вдумчивые изложения, касающиеся определений философских терминов или же вопросов, относящихся к философскому учению. Фонсека прекрасно осознавал, каким утомительным может оказаться перечисление доводов всех сторон в споре с целью отразить все возможные варианты контраргументов по данной теме. Он предупреждал читателя о том, что если автор пытается быть точным и дает определение всему, что не было прояснено ранее, читатель вскоре переутомится³⁶. В первых же фразах «Размышлений о первой философии» Декарт отказывается перечислять все возможные доводы³⁷. Мы не утверждаем, что здесь он цитировал Фонсеку, однако стремление отвергнуть многочисленные сомнения для аристотелианцев не было чем-то новым и особенным. Фонсека задается вопросом: почему Аристотель наполнил свою книгу сомнениями?

Но кто-то может здесь спросить, почему Аристотель нагромодил все эти сомнения в своей книге, сомнения, которые возникли в самом предмете этой науки, и почему он не привел каждое из них там, где сомнение должно разрешить, как он поступил в других науках³⁸.

³⁵ Фонсека преподавал в университете Коимбры и был одним из составителей большой коимбрской серии комментариев к Аристотелю. *Fonseca*. 1577.

³⁶ *Fonseca*. 1577. P. 435: ‘hoc loco traditur, est omnium accuratissimus, ut nihil videlicet definiatur, antequam argumenta pro utraque parte proponantur; non esse tamen eum ubique servandum, partim ne lectores satientur simplicitudinis fastidio, partim quia res proposita, & disputationis occasio, saepe alium postulant’.

³⁷ *Descartes*. 2000. P. 104–105.

³⁸ *Fonseca*. 1577. P. 436: ‘Sed quaerat aliquis hoc loco cur Aristoteles congesserit in hunc librum omnes dubitationes, quae in material huius scientiae occurrebant, nec earum

Аверроэс писал о существовании родства между метафизикой и диалектикой; соответственно, в этом месте следовало рассмотреть все вопросы, относившиеся к обеим дисциплинам³⁹. Далее Фонсека отмечает, что Фома Аквинский и его учитель Александр Галльский⁴⁰ обращались к универсальной истине. Поэтому правильно, если философ вначале высказывает все сомнения, с тем, чтобы предмет рассматривался универсальным способом.

Немногим позже Франсиско Суарес, главный испанский философ эпохи, составил свой комментарий к 1-й главе 3-й книги «Метафизики». Ряд приведенных там замечаний относительно эффективности использования сомнения философами-аристотелианцами можно назвать исключительно критическими. Суарес также ставил под вопрос полезность приведения доводов со всех сторон обсуждаемого вопроса.

Комментаторы обычно спрашивают, почему здесь Аристотель отвел целую книгу на то, чтобы предложить вопросы, но не разрешить их. Я думаю, что он поступил так для того, чтобы подчеркнуть трудность данной дисциплины и ее полезность, а также, пожалуй, и для того, чтобы возбудить у читателя желание заняться наукой, в которой есть столько сомнений (которые надлежит разрешить). Итак, Аристотель предлагает различные вопросы в главе 1-й, а в других главах он приводит причины для сомнений со всех сторон, но так ничего и не разрешает. Более того, предлагая эти вопросы, он не придерживается какого-либо метода или определенного порядка. Кажется, что он просто излил их так, как они пришли ему в голову⁴¹.

Замечание Суареса просто убийственно по сравнению со словами Ла Раме. Внезапно оказывается, что Аристотель – великий философ,

quamque distulerit in eum locum, in quo dissolvenda erat, quemadmodum fecit in aliis scientiis³⁹.

³⁹ Ibid.: ‘Respondet Averroes id factum esse propter affinitatem primae Philosophiae cum Dialectica. Nam cum Metaphysica & dialectica facultas circa res easdem versetur, rationi consentaneum erat ut ante metaphysicam determinationem interger aliquis liber poneretur in eisdeum rebus Dialectico more tractandis.. Nam cum Metaphysica & Dialectica facultas circa res easdem versentur, rationi consentaneum erat ut ante metaphysicam determinationem interger aliqui liber ponerent in eisdem rebus Dialectico more tractandi’.

⁴⁰ Александр Галльский (ок. 1183–1245) – английский францисканец, изучавший богословие в Оксфорде и преподававший его в Парижском университете.

⁴¹ Suarez. 2004. P. 268: ‘Solent expositores inquirere cur Aristotele – ... hoc loco in questionibus proponendis absque earum resolutione integrum librum consumpserit. Existimo tamen id fecisse ad exaggerandum huius doctrinae difficultatem et utilitatem et fortasse ad excitandum lectori desiderium inquirendi scientiam in qua tot dubia expendiuntur; ... Proponit ergo Aristoteles in primo capite varias questiones: in caeteris vero rationes dubitandi in utramque partem affert, nihil autem definit. Et in proponendis his questionibus nullam fere methodum vel certum ordinem servat, sed prout in mentem veniebant ita eas effudisse videtur’.

составивший энциклопедию знания – писал без всякого порядка и метода, причем в главе, которая была предназначена для определения метода. Подобно Ла Раме и Фонсеке, Суарес не считал сомнение совершенным методом философского анализа.

Эти три комментатора в очередной раз показывают, какими подвижными были аристотелианские традиции в XVI в. Однако то, что они писали, было комментарием к самому тексту. Перейра и Декарт – философы, которые, несмотря на все различия, использовали Аристотелевы тексты вне их контекста. В случае Перейры 1-я глава 3-й книги «Метафизики» цитируется в качестве методологического заявления о том, как и почему автор собирается как можно детальнее изложить мнение каждого древнего, средневекового и современного философа по вопросам, рассматривавшимся в Аристотелевой физике. Декарт, с другой стороны, через шестьдесят лет после этого опирался на воспоминания о философских темах, рассматривавшихся в рамках аристотелианской традиции, не обозначая отдельные тексты, на которые он опирался.

4. *Dubito et Probabilitas*:

Бенито Перейра, Рене Декарт и рождение методического сомнения

Иезуита Бенито Перейра⁴² (1535–1610) и Рене Декарта (1596–1650) разделяли шестьдесят лет. Обычно их не связывают друг с другом, и небезосновательно. Испанец Перейра учился, а потом преподавал в иезуитском Collegio Romano. В своем учебном пособии *De Communibus omnium rerum naturalium principii et affectionibus*⁴³ он подверг систематическому критическому анализу античный и современный ему неоплатонизм, а также средневековый и современный скотизм. Его учебное пособие по Аристотелевой «Физике» многократно переиздавали между 1576 и 1627 гг. Декарт получил образование в иезуитской коллегии в городе Ла-Флеш, в рамках скотистской традиции⁴⁴. Его отношение к собственным аристотелианским корням сложнее определить. Декарт считается одним из философов, учредивших новый способ философствования, а некоторые полагают, что он был скептиком. Мое утверждение, что широкое применение Декартом сомнения, особенно в «Размышлениях...», было связано с аристотелианской традицией XVI века,

⁴² О Перейре и неоплатониках см.: *Blackwell*. (в печати). О Перейре и скотистах см.: *Blackwell*. 2004; *Blackwell*. 2003.

⁴³ *Pereira*. 1585. Перейра был очень популярен в Германии в XVII–XVIII вв.; его высоко ценили протестанты – историк философии Якоб Брукер и историк церкви Лоренц Мосхайм.

⁴⁴ *Ariew*. 1999.

может показаться спорным. Однако я считаю, что Декарт продолжил трансформацию коннотаций термина *dubito*, со временем менявшего свое значение в переводах и комментариях к 1-й главе 3-й книги «Метафизики». Один из способов сопоставить труды Перейры и Декарта состоит в анализе использования ими терминов *dubito* и *probabilitas*. Оба эти термина приведены Перейрой в начале 4-й книги “*De antiquis philosophis*”. Перейра так начинает *De Communibus omnium rerum*:

Прежде всего, Аристотель учил в 1-й книге «Топики», что различные известные и признанные мнения знаменитых философов добавляют силу и яркость рассуждениям о вероятности каждой предложенной темы. Вероятностью следует считать то, что было принято всеми этими мудрыми людьми, или, по крайней мере, одним. Если только один выделяется, тогда множественность и разнообразие мнений по данному предмету заставляет нас сомневаться и отмечать затруднения, связанные с этой темой⁴⁵.

Он продолжает, цитируя 1-ю главу 3-й книги «Метафизики» по переводу Виссариона:

Тем, кто хочет иметь способность, полезно сильно сомневаться, ибо это умение есть решение тех вещей, в отношении которых ранее сомневались. Ибо те, кто задают вопросы, подобно тем, кто не ведают, каким путем им следует идти, не могут понять, нашли ли они то, что искали, или нет, если только они сначала не сомневались. Для первой группы ответ в конце неочевиден, однако для тех, кто сомневался сначала, он ясен, не говоря уже о фразе, в которой Аристотель говорит: человек нашел мыслительный узел, а затем освободился от него⁴⁶.

Перейра больше интересуется установлением различий между учениями философов, нежели указанием на сходства. Он настаивает, например, на том, что евреи не оказывали воздействия на греков, и тратит много усилий на определение правильной хронологии в обоих случаях. В разделе 6 комментария к «Физике» он критикует также утверждение Симпликия⁴⁷, что все античные философы были согласны между собой относительно творения и происхождения мира. Он настаивал на том, что каждый философ имел собственное мнение; а в последующих книгах изложены также и мнения об этих мнениях, принадлежавшие комментаторам-схоластам, недавно переведенным греческим комментаторам, и современным философам. Перейра анализировал эти разнообразные учения в поисках тех, что совпадали бы с его представлением о подобающем современном аристотелианском подходе к естествен-

⁴⁵ *Pereira*. 1585. P. 386–387.

⁴⁶ Латинский текст Виссариона см. в примеч. 27.

⁴⁷ Симпликий (ок. 490 – ок. 560) – один из последних античных неоплатоников, автор комментариев к трудам Аристотеля.

ной философии. Он был анти-скотистом и анти-платоником, как гласит книга 3, “De via et ordine doctrinae physicae”⁴⁸.

Текст *De communibus omnium rerum naturalium* сообщал читателям – студентам университетов и прочим – как много разных суждений высказывали древние греки, схоласты, а также философы Нового времени по таким темам, как материя, форма, природа, причина, рок, качество, место, время и движение. В 8-й книге, *De Causis*, можно увидеть, как Перейра использует термины *dubito*, *dubitiones* при перечислении вопросов, возникающих в связи с мнениями разных философов⁴⁹. Хотя существовало множество сомнений, некоторые вещи оставались несомненными – одной из них была действенная причина⁵⁰. Существовали, однако, и «вероятности», подлежащие обсуждению, – например, различные способы добывания огня. Перейра считал вероятности не угрожающими, но столь же интересными, сколь и рассуждения, а также бесконечными и, возможно, необходимыми лишь в том случае, если текст являлся основным пособием, перечислявшим мнения философов.

Невозможно рассматривать использование Декартом сомнения без упоминания о Пьере Шарроне⁵¹, как указывает Жозе Майа Нету в своем исследовании декартова восприятия трактата Шаррона *De La Sagesse*⁵². Примечательно, что обоим причиняло не только интеллектуальное, но и эмоциональное беспокойство многообразие мнений: они самой своей множественностью вызывали сомнения в том, что возможно что-то достоверное. Оба также отвергали перенасыщенную ученостью схоластическую традицию и разделяемое одним из течений аристотелианцев (к нему принадлежал Перейра) представление о том, что в уме не существует ничего такого, чего не было бы в чувствах. Для Шаррона и Декарта чувства были источником недостоверного знания. И Шаррон в *De La Sagesse*, и Декарт, прежде всего, в «Размышлениях...», поощряли ищущего формировать собственные суждения и создавать для себя умонастроение, в котором оказывалось возможным достичь либо невозмутимости, по Шаррону, либо истины *cogito*, по Декарту. Совершенно другой взгляд на множественность суждений представлен у аристотелианца Перейры и у более поздних философов-эклектиков, таких как Даниэль

⁴⁸ *Pereira*. 1585. P. 108–185.

⁴⁹ ‘explicantur tres dubitiones’ (P. 452); ‘explicantur duae dubitiones’ (P. 467).

⁵⁰ *Ibid.* P. 457: ‘Certum & indubitatum est, quid quid habet causam efficientem, etiam habere finem propter quem sit’.

⁵¹ Пьер Шаррон (1541–1603) – богослов и философ, друг Монтеня.

⁵² *Maia Neto*. 2003. P. 81–113.

Георг Морхоф с его трудом *Polyhistor literarius et philosophicus*⁵³. Последних завораживали новые и разнообразные мнения.

В главе 61 книги 1-й трактата «О мудрости» Шаррон, допуская, что знание – в целом хорошая вещь, немедленно добавлял, что оно претендует либо на слишком многое, либо на слишком малое⁵⁴. Он критиковал тех, кто интересовался познанием вещей, «находящихся вне нашего понимания, будь то вещи естественные или сверхъестественные». *Scientia* одновременно полезна и является средством достижения материальной выгоды и славы. Шаррон отвергал схоластическое познание, поскольку оно наполнено бессмысленным учением, тогда как чувства слабы и не являются источником знания⁵⁵. Цель мудрости заключается в нейтрализации всякого внешнего и внутреннего замешательства. Суждение используется для анализа всех вещей, однако мудрец не должен привязываться ни к одному из них: «не найти истину не значит судить плохо; судить плохо значит плохо думать, уравновесить... противоположности»⁵⁶. Он достигает скептической *epoché*⁵⁷ во имя спасения.

Подход Декарта к знанию, *scientia*, несколько более динамичен. *Cogito*, с одной стороны, заменяет *epoché*, а с другой, подчиняет ее. Декартова точность сочетается с реакцией на представления о том, что вероятность является достаточным ответом. В 1628 г. Декарт оспорил утверждение Шанду⁵⁸ о том, что всякая наука основывается на вероятности. Шанду, скорее всего, считал, что вероятность – лучшее, на что можно рассчитывать в естественной философии, учитывая случайность мира. Декарт возразил, что располагает методом достижения достоверного знания, и его призвали доказать это⁵⁹. Прошло немало времени, прежде чем он признал свой ответ удовлетворительным. Еще в 1637 г. он признавался Сильону⁶⁰ в том, что недоволен своими доводами относительно доказательства бытия Бога⁶¹ в «Рассуждении о методе», кото-

⁵³ Blackwell. 2000. Даниэль Георг Морхоф (1639–1691) – немецкий ученый, философ и историк философии.

⁵⁴ Charron. 1642. P. 303–304.

⁵⁵ Maia Neto. 2003. P. 105.

⁵⁶ Charron. 1642. P. 331–332: ‘ne trouver pas le vray ce n’est pas mal juger; mal juger c’est mal penser, balancer ... les oppositions’. Цит. по: Maia Neto J. Op. cit. P. 107.

⁵⁷ Epoché (греч.) – воздержание от суждения у философов-скептиков.

⁵⁸ Шанду – химик/алхимик, преподавал в Париже, придерживался принципов скептицизма.

⁵⁹ Baillet. 1691. T. 1. P. 160–166.

⁶⁰ Жан де Сильон (1596–1667) – философ, член Французской Академии.

⁶¹ Descartes. 2000. Декарт и Жан де Сильон разделяли программу, нацеленную против скептицизма. См. de Silhon. 1626, а также Gilson. 1930. P. 36–40.

рое он только что закончил. Декарт использовал понятие вероятности, начиная с «Правил для руководства ума» 1618–1628 гг.:

Каждый раз, когда суждения двух людей расходятся в чем-то одном, очевидно, что по крайней мере, один из них неправ. ... Поэтому мы видим, что во всех этих вероятных мнениях мы не найдем совершенной науки⁶².

В «Рассуждении» Декарт сумел, наконец, упорядочить свои мысли по данному вопросу. Следует ли ему принять их? По умолчанию, следует ли ему принять мнение Шаррона о том, что ответ получить невозможно, и скрыться в *epoché*, или же упорно искать решения? Он выбирает второе. Рассуждение Декарта можно разложить на 5 положений.

1. В третьей части «Рассуждения» Декарт принимает тот факт, что ему придется жить в мире внешних вероятностей, а во второй максиме он дает обет: «быть твердым и решительным в своих действиях, насколько смогу, и таким образом следовать самым сомнительным положениям после того, как я принял решение относительно них».

2. Затем, в той же третьей части он признает, что после многолетних странствий неудовлетворен этим взглядом, и решает искоренить все заблуждения «из своего ума, который ранее смог соскользнуть в них»⁶³.

3. Затем Декарт недвусмысленно отвергает скептическое сомнение ради, и постоянно притворяется колеблющимся. Напротив, весь мой план стремился к тому, чтобы дать мне уверенность отвести подвижную почву и песок, чтобы найти камень и глину⁶⁴.

4. Потом он отвергает как абсолютно ложное все, в отношении чего он хотя бы немного сомневается. Этот подход полностью противоречит взгляду, представленному Аристотелем в 1-й книге «Топики», где Аристотель наставляет философа анализировать каждое мнение, даже если его придерживался только один философ⁶⁵.

5. Первое достоверное знание, полученное Декартом – его знаменитое *cogito ergo sum*. Истина «столь твердая и достоверная, что самые экстравагантные предположения скептиков не смогли низвергнуть ее».

Отвергнув неопределенность вероятности⁶⁶, Декарт стремится к тому, чтобы обойтись без сомнения. Современные историки философии

⁶² *Descartes*. 2000. P. 3.

⁶³ *Ibid*. P. 59.

⁶⁴ *Ibid*.

⁶⁵ *Ibid*. P. 60–61.

⁶⁶ Термины *probabilitas*, *probabilité* и *probability* рассматриваются в многочисленных философских произведениях. В задачи данной статьи не входит обращение к этой большой и захватывающей теме.

часто именуют сомнение Декарта скептическим, признавая в то же время, что скептиком он не был. Я считаю, что Декарт использовал свою версию Аристотелева «сомнения»⁶⁷, чтобы развязать узлы в собственной личной и духовной жизни. Нынешние историки философии немедленно вспоминают о скептицизме, увидев термин «сомнение», хотя им следовало бы заглянуть в *Lexicon Philosophicus* Рудольфа Гоклениуса⁶⁸, изданный несколько раньше, чем появились труды Декарта, но во времена Шаррона⁶⁹. Словарь перечисляет 10 вариантов значения термина *dubitatio*, в том числе тот, что употреблялся в 1-й главе 3-й книги «Метафизики», но ни один из них не относился к традиции скептицизма. Как мы знаем, Декартово сомнение стремится устранить сомнение.

Методическое сомнение Декарта сильно отличается от смысла термина, обнаруживаемого у Аристотеля, Перейры или Шаррона. Аристотель ввел понятие *aporioe* в метафизику, чтобы помочь философу сориентироваться в самой метафизике. Перейра использовал методическое сомнение, чтобы анализировать теории в физике, отбрасывая те, что он считал недостаточными, и отбирая правильные. Шаррон ввел сомнение как эмоцию и как интеллектуальную категорию, но его целью был уход, *epoché*; его доводы не имели четко очерченной цели.

Декарт, возможно не осознавая этого, вернулся к изначальному намерению Аристотеля, но несколько иначе. Как отметил Василис Политис, целью Аристотеля было сориентировать философа в его собственном философском поиске⁷⁰. Декарт систематически использовал термин *dubito* в латинской версии «Размышлений» – 9 раз в 1-й книге, 11 во 2-й, 11 в 3-й, 14 в 4-й, 3 в 5-й и 10 в последней, 6-й книге. В первой книге «Размышлений» Декарт признает то, что ранее, в «Рассуждении», считал для себя невозможным. Там он отверг порыв разрушить дом для того, чтобы построить новый, а здесь он бесстрашно утверждает, что «сравнивает с землей изначальные основания своего знания»⁷¹. Затем он приводит негативную версию 1-й книги «Топики» Аристотеля, как он это сделал в «Рассуждении». Он говорит, что отвергнет «все эти мнения», если найдет «в каждом из них причину для сомнения. И для этого мне не нужно рассматривать каждое мнение отдельно, ведь это дело стало бы бесконечным». Во второй книге «Размышлений», охва-

⁶⁷ О сомнении у Сократа и Декарта см. *Lojacono*. 2004. P. 103–146.

⁶⁸ Рудольф Гоклениус [Гёккель] (1546–1628) – немецкий философ-схоласт.

⁶⁹ *Goclenius*. 1613. P. 560–561.

⁷⁰ *Politis*. 2004. P. 71.

⁷¹ *Descartes*. 2000. P. 104–105.

ченый сомнениями и неспособный ни игнорировать их, ни разрешить, Декарт решает излечиться от сомнений, отбросив все, что допускает хоть малейшее сомнение. Снова и снова он ищет достоверного знания, отчаянно пытаясь найти способы устранить свои сомнения:

По этой причине я отброшу все, что может быть хоть немного ослаблено приведенными доводами, так что в итоге не останется ничего, кроме того, что является бесспорным и определенным⁷².

Лейтмотив здесь такой: сомнение сомневается в сомнении для того, чтобы достичь достоверности. Мы уже видели, что многим комментаторам, не только Ла Раме, но и Фонсеке, надоела тема *dubito*. Фонсека писал: если вы имеете дело со сложными предметами, например, как Декарт, то «не только не нужно, но зачастую и менее удобно» рассматривать каждую тему⁷³. Декарт заимствует это как побудительную причину сделать свои доводы возможно более сжатыми и убедительными.

Ученые любят указывать на казусы, обозначающие начало Нового времени, и Декарт тут считается лучшим образцом. Я бы хотела добавить: сравнивая Перейру и Декарта, нам удалось увидеть, как Перейра цитировал и комментировал аристотелианские источники, и как у Декарта они зачастую превращались в воспоминание или тень самих себя. Декарт, получивший образование в традиции Аристотелевой энциклопедии знания, хоть и не той же, что у Перейры, свободно создавал свою собственную форму аргументации и выхватывал практически из воздуха одну линию аристотелианских размышлений, чтобы использовать ее в своих доказательствах. Это дало ему возможность говорить о поставленных Шарроном проблемах, не цитируя его, написать собственный вариант 1-й книги «Топики» и использовать сомнение из 1-й главы 3-й книги «Метафизики», не спотыкаясь о прошлое. И самое главное, он был одним из тех, кто переформулировал предмет метафизики. Приняв вывод о том, что использование Декартом методического сомнения отчасти возникло на основе одной из аристотелианских традиций, и признав, что существовала богатая традиция использования методического сомнения, мы должны будем переосмыслить саму эту традицию.

Перевод с английского А. Ю. Серegiной

⁷² Ibid. P. 108.

⁷³ *Fonseca*. 1577. P. 435: *Accedit, quod aliud est agere de rebus difficilibus, antequam plenam earum cognitionem consequutus sis; aliud postquam habes rem perspectam, eiusque cognitionem aliis tradere institutus. Nam etsi priori modo necesse omnino est, ut ante determinationem argumenta omnia quae quidem momentum aliquod habeant, pro utraque parte proponantur; posteriori tamen non solum id non est necesse, sed saepe etiam minus convenit.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alexander of Aphrodisias* on Aristotle's *Metaphysics* 2 & 3. Translation & Notes by W. E. Dooley, A. Madigan. Ithaca, NY, 1992.
- Alexander of Aphrodisias*: Supplement to "On the Soul" / Sharples R. W., transl. Ithaca NY, 2004.
- Aquinas Thomas*. Commentary on Aristotle's "Metaphysics". Transl. John P. Rowan. South Bend, IN, 1995.
- Aquinas Thomas*. In duodecim libros Aristotelis commentaria celeberrima, cum duplici textus translatione antiquae & nova Bessarionis Cardinalis, disetissimae defensiones locorum. Venice, 1588.
- Ariew R.* Descartes and the Last Scholastics. Ithaca NY, 1999.
- Aristotle*. The Works. Vol. VIII. *Metaphysics*. Translated by W. D. Ross. Oxford, 1928.
- Aristotle*. *Metaphysics*. Translated by Richard Hope. Ann Arbor, MI, 1960.
- Baillet Adrien*. La Vie de Descartes. Paris, 1691.
- Blackwell C., Kuskawa S.*, eds., *Philosophy in the sixteenth and seventeenth centuries: conversations with Aristotle*. Aldershot, 1999.
- Blackwell C.* New-Platonic Modes of Concordism versus Definitions of Difference: Simplicius, Augustinus Steuco and Ralph Cudworth versus Marco Antonio Zimara and Benedictus Pererius // *Clucas S.*, ed. / *Laus Platonici Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* (in print).
- Blackwell C.* Thomas Aquinas against the Scotists and Platonists. The definition of *Ens*: Cajetano, Zimara, Pererio, 1495–1576 // *Akadémiai Kladó*. Vol. 6. 2004.
- Blackwell C.* The Vocabulary for Natural Philosophy. The *De Primo Cognito* Question – a Preliminary Exploration: Zimara, Toledo, Pereira and Zabarella // *Fattori M., Hamesse J.*, eds. / *Lexiques et Glossaires Philosophiques de la Renaissance*. Louvain, 2003.
- Blackwell C.* The Logic of the History of the Philosophy: Morhof's 'De Variis Methodis' and the 'Polyhistor philosophicus' // *Waquet F.*, ed. *Mapping the World of learning: the Polyhistor of Daniel Georg Morhof*. Wiesbaden, 2000.
- Charron Pierre*. De La sagesse. Paris, 1642.
- Concetta B.* La formazione della biblioteca Latina del Bessarione. Scrittura, biblioteche y stampa a roman el '400. 1980.
- Coroleu A.* The Fortune of Juan Ginés de Sepúlveda's Translations of Aristotle and of Alexander of Aphrodisias // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 59. 1996.
- Dear P.* Mersenne and the Learning of the Schools. Ithaca NY, 1988.
- Descartes René. *Philosophical Essays and Correspondence*, edited and translated by R. Ariew. Indianapolis Ind., 2000.
- Fonseca Pedro*. *Commentaria Petri Fonsecae in libros Metaphysicorum Aristotelis Stagiritae*. Rome, 1577.
- Goclenius Rudolph*. *Lexicon Philosophicum quo tanquam clave philosophia fores aperiuntur*. Frankfurt, 1613; (reprint Hildesheim, 1964).
- Gilson E.* *Index scolastico cartésien*. Paris, 1913.
- Gilson E.* *Études sur Le role de la pensée médiévale dans la formation du système cartésien*. Paris, 1930.

- Kessler E.* Alexander von Aphrodisias Exeget der aristotelischen Psychologie bis zum Ende der 16. Alexander Aphrodisiensis enarratio De anima ex Aristotelis institutiones, transl. Heronymus Donatus. Stuttgart-Bad Cannstatt, 2008.
- Labinsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. Roma, 1980.
- de La Ramée P.* Scolarium metaphysicarum. Paris, 1566.
- Lojacono E.* Socrate y l'honnête homme nella cultura dell'autunno del Rinascimento francese e Rene Descartes // Lojacono E., ed. / Socrate in Occidente. Florence, 2004.
- Maia Neto J.* Charron's epoché and Descartes' cogito: the Skeptical Base of Descartes' Refutation of Scepticism // Paganini G., ed. / The Return of Scepticism from Hobbes and Descartes to Bayle. Dordrecht, 2003.
- Mates B.* The Skeptic Way: Sextus Empiricus's Outline of Pyrrhonism, transl. and commentary. Oxford, 1996.
- Metaphysicorum Aristotelis xiiii librorum translation. Venice, 1516.
- Ong W.* Ramée, Method and the Decay of Dialogue. Chicago, 2004.
- Ong W.* Ramus and Talon Inventory. Cambridge Mass., 1958.
- Paganini G.* Skepsis. Le débat des modernes sur le scepticisme. Paris, 2008.
- Pereira Benito.* De communibus omnium rerum naturalium principiis et affectionibus, libri quindecim qui plurimum conferunt, ad eos octo libros Aristotelis, qui de physici auditu inscribuntur, intelligendo. Paris, 1585.
- Politis V.* Aristotle and the Metaphysics. London, 2004.
- Radice R, Davies R.*, eds. Aristotle's Metaphysics: Annotated Bibliography of the Twentieth-Century Literature. Leiden, 1977.
- Sepúlveda Juan Ginés,* Alexandri Aphrodisii Commentaria in duodecim Aristotelis libros de Prima Philosophia. Venice, 1561.
- de Silhon Jean.* Les deux vérités. Paris, 1626.
- Schmitt C.* Aristotle and the Renaissance. Cambridge, 1983.
- Stone M.* Scholastic Schools and Early Modern Philosophy // Donald Rutherford, ed. / The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. Cambridge, 2006.
- Suarez Francisco.* A Commentary on Aristotle's Metaphysics (Index Iodupletissimus in Metaphysicam Aristotelis) / translation & notes by John P. Doyle. Milwaukee, 2004.

Констанс Блэквелл, Президент Фонда интеллектуальной истории; *cblackwell@binthist.demon.co.uk*